

ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ МОДЕРН В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЙОХАНА АРНАСОНА

Лариса Григорьевна Титаренко (larisa166@mail.ru)

Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Титаренко Л.Г. (2022) Восточноазиатский модерн в цивилизационной концепции Йохана Арнасона. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(2): 80–95. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.4>

Аннотация. Анализируется восточноазиатский тип модерна, разработанный социальным философом и историческим социологом Йоханом Арнасоном. Данный тип западного модерна объединяет японский, китайский, вьетнамский, южно-корейский варианты, которые имеют не только общие, но и специфические характеристики, обусловленные историей и культурой. Раскрываются особенности советского типа модерна, выявленные Арнасоном более 20 лет назад, в процессе сравнительно-исторического анализа советской и китайской версии «коммунистического модерна», постоянно использующиеся им при обращении к другим типам западного модерна. Показана актуальность обращения российских ученых к восточноазиатскому модерну в условиях очередного переосмысления путей и перспектив модернизационного развития российского общества.

Ключевые слова: Арнасон, множественные модерны, Восточная Азия, регион, цивилизационный подход, Китай, Россия.

Рассуждая о российской истории, известный филолог и историк Александр Эткинд замечает, что история — это не только факты и мысли об этих фактах, но и память об этих мыслях, и что *все это меняется во времени* (Эткинд 2013). Этот тезис как нельзя лучше подходит для нынешнего переосмысления «фактов и мыслей» о разных формах модерна применительно к России. Сегодня возвращается уже подзабытая история конфронтаций и холодной войны, что ставит Россию в ситуацию вынужденной мобилизации всего общества как в политическом, так и экономическом и иных аспектах. Отсюда вытекает и необходимость переоценки модели дальнейшего развития страны, возможно, перехода к иной модели, более адекватной для новой ситуации. С этой точки зрения мобилизация (как бы мы ее ни оценивали) может стать стимулом для ревизии прежнего опыта и уточнения приоритетов российских трансформаций.

В российском обществе проблема дальнейшего развития не теряет актуальности со времен распада СССР. Она постоянно находится в центре

научных и публичных дискуссий, переинтерпретируется, уточняется (Куда... 1995; 2003; О мировой... 2021). Чтобы ответить на вопрос «Куда идет Россия?», многие социологи, психологи, экономисты обращаются к анализу ее прошлого, чтобы в глубине веков найти и затем привнести в современность некие важные «базисные» черты, своего рода константы, на основе которых Россия могла бы успешно развиваться и сегодня. Это теории колеи, path dependency, институциональных матриц и др. (см.: Кирдина 2000; Романовский 2009; Розов 2011). Не прекращаются также попытки объяснить нынешнее состояние России и определить паттерны дальнейшего развития на основе сравнения ее с иными цивилизационными моделями, причем авторы обращаются как к западным (Инглхарт, Вейцель 2011; Инглхарт 2018), так и восточным (Вэймин 2002; 2012) образцам. Предлагается развивать и собственный цивилизационный подход, включающий определенные положения уже известных цивилизационных моделей, но делающий акцент на российскую специфику (Российское общество... 2021). В последнее время ввиду быстрого подъема на международной арене Азиатско-Тихоокеанского региона, много внимания уделяется Китаю и тем модернизационным процессам, которые в нем успешно осуществляются (Кива 2013). Известный российский социолог Н.И. Лапин предлагает взять китайскую модель модернизации для измерения уровня и динамики модернизации разных регионов России (Лапин 2012; Атлас...2016), тем самым признавая китайскую модель более адекватной, чем западные модели модернизации, будь то старые варианты, связанные с именем Парсонса (Парсонс 1997), или новые, фигурирующие в международных проектах, зарубежных учебниках и т.п. (Beck 1992; Смелсер 1994; Хантингтон 2003).

В связи с вышесказанным представляется резонным не только обратиться к модели китайской модернизации, но и ознакомиться с модернизационным развитием других стран Восточной Азии. О модернизационных моделях развития последних, возможно, не так много известно русскоязычному читателю, однако эти модели давно изучаются учеными других стран. Среди таких зарубежных авторов одно из ведущих мест сегодня принадлежит социальному философу и историческому социологу Йохану Арнасону, вклад которого в развитие цивилизационной теории и сравнительно-исторической методологии исследований немецкий социолог Вильфред Шпон назвал уникальным и выдающимся, а его работы, посвященные незападным типам модернизации (прежде всего советской и китайской, представляющих коммунистический проект модерна, и затем японской) образцовыми (Spohn 2011: 23). Тот факт, что в современной зарубежной социальной мысли направление цивилизационных сравни-

тельно-исторических исследований получило статус «выдающейся сферы международной и глобальной социологии» (Arjomand, Tiryakian 2004), заставляет еще более пристально изучать труды тех ученых, которые внесли наибольший вклад в эту сферу исследований. Сам Арнасон подчеркивает, что «цивилизационный подход может... пролить свет на отношение между понятиями модерна в единственном и множественном числе» (Арнасон 2012: 26).

Несмотря на то что Арнасон родился на самом краю европейской ойкумены, в Исландии, его профессиональная жизнь и творчество непосредственно связаны как с Европой, где он учился и получил ученую степень, так и с Австралией, где Арнасон проработал более двадцати лет в университете Мельбурна, был редактором международного журнала «Thesis Eleven». В настоящее время, будучи маститым ученым и покинув Мельбурн после выхода на пенсию, Арнасон преподает в Пражском университете в качестве профессора-визитера, где он учился в 1960-е годы, участвует в международных конференциях, пишет новые работы.

В российской социологии получила достаточную известность интерпретация советской модели цивилизации модерна, данная Арнасоном вскоре после распада Советского Союза (Arnason 1993). В целом, ученый известен в мире как автор, разрабатывающий цивилизационный подход в сравнительно-исторической перспективе (Arnason 2003) и (как и его старший коллега израильский социолог Ш.Н. Айзенштадт) концепцию множественности модернов¹. Данная концепция появилась еще в 1980-е годы и имеет широкую поддержку среди социологов всего мира (см.: Ben-Rafael 2005). Как утверждает американский социолог Хосе Казанова, эта концепция дает «более адекватную концептуализацию и прагматическое представление о современных глобальных тенденциях, чем концепция космополитизма или столкновения цивилизаций» (Casanova 2011: 259). Согласно концепции множественности модернов, этот тип общества развивается в разных странах и регионах и везде имеет некоторые общие черты, отличающие его от традиционного типа цивилизации, например принцип суверенитета народов, признание автономии и ценности каждого индивида (Eisenstadt 2000: 4). По этой причине можно

---

¹ В данном случае приоритет Айзенштадта неоспорим, однако Арнасон нашел собственный путь в дальнейшем анализе модерна, т.е. работал в рамках данной концепции независимо от Айзенштадта, а в случае анализа японского модерна — параллельно с израильским ученым, с особым акцентом на «продвинутость» данного многомерного типа модерна. Не случайно австралийский социолог Джереми Смит назвал созданную Арнасоном социальную теорию Японии «одним из наиболее всесторонних исследований азиатских модернов» (Smith 2011: 41).

говорить о существовании «цивилизации модерна». Однако единого паттерна модерна не существует, поскольку «общие черты модерна, или принципы, принимают множественные формы и разнообразные институционализации в различных исторических контекстах. Более того, многие из этих разнообразных институционализаций являются непрерывными или совпадающими с традиционными историческими цивилизациями» (Casanova 2011: 259). Поэтому, как утверждает Арнасон, «вопрос о реальных параллелях или сходстве между разными трансформациями является очень трудным и до сих пор широко дебатлируемым» (Arnason 2005: 59).

Постулирование существования многих моделей модерна заставляет ученых обращаться к изучению каждого общества как особого паттерна и тщательно исследовать его, не пытаясь подогнать под «единый образец». Именно такой подход, по мнению Арнасона, был присущ Ш. Айзенштадту в его анализе японского общества. Объемный труд Айзенштадта о Японии Арнасон назвал «лучшим из известных в науке кейс-стади» (Arnason 2008: 403). Такой же тщательно выверенный историко-сравнительный подход применил и сам Арнасон в исследовании Японии (Arnason 1997; 2002), а также истории становления и причин упадка советской модели модерна в глобальном контексте (Арнасон 2011).

Заметим, что взгляды Арнасона на советскую модель модерна в свое время были на Западе не популярны, потому что, в отличие от советологов, он признал советское общество альтернативным западному варианту модерна, а не «тотальным отрицанием модерна, сменившимся полным распадом» (Arnason 2000: 61). Арнасон показал, что это была «композиционная цивилизация», построенная на фундаменте нескольких противоречащих друг другу традиций (византийской, монгольской, западной) и поэтому не сложившаяся в устойчивую модель цивилизации (Интервью... 2012: 12). Цель его книги о падении советской системы состояла в том, чтобы «разработать интерпретативную рамку, нежели объяснительную модель. <...> Эта рамка не может принимать форму общей и систематической теории обществ советского типа» (Arnason 1993: X). Результатом его работы стало соединение теоретического и исторического подходов, что, по его мнению, есть единственно адекватный путь исследования избранного предмета. Советский модерн был охарактеризован им как многосторонние «претензии на то, чтобы превзойти западный модерн», соединенные с имперскими и глобальными амбициями (Арнасон 2011: 20).

Многие идеи, первоначально изложенные в этой работе, позднее получили развитие в анализе китайской версии модерна, в которой Арнасон также акцентировал внимание и на феномене имперской модернизации, и на значительной роли межцивилизационных взаимодействий с той раз-

ницей, что для Китая это было взаимодействие собственного культурного наследия с поздним влиянием Запада (в XIX в.) и советской модели (в XX в.) при сохранении ориентира на имидж Китая как «великой державы мирового уровня» (Интервью... 2012: 13). Практически, начав с анализа советской модели модернизации, затем перейдя к Китаю, Японии и другим странам Восточной Азии, Арнасон выявил тот факт, что все исследованные им незападные паттерны модерна были в той или иной степени имперскими. Как поясняет ученый в своем интервью, «поздний императорский Китай имел длительный опыт соединения имперского правления с высокоразвитым обществом», что попытался сохранить и приумножить Китай современный (Интервью... 2012: 16). Тем самым автор эмпирически доказывает, что имперское прошлое той или иной страны продолжает играть значительную роль в ее последующем развитии.

В русскоязычной литературе концепция советского модерна Арнасона была проанализирована М. Масловским (Масловский 2008; 2011), который стал и первым переводчиком его статей о советском модерне. Однако считать, что Арнасон сфокусирован лишь на советской модели цивилизации, несмотря на тот факт что он время от времени возвращался к этой теме (Arnason 1995; 2000), было бы неточным. В фокусе исследовательского внимания Арнасона к цивилизации модерна находятся и всегда находились ее восточные варианты. Проживая в Австралии, Арнасон поневоле был вынужден серьезно изучать соседние страны. В процессе анализа этих стран он и развил свой цивилизационный сравнительно-исторический подход.

В центре сравнения разных стран — власть и культура: это центральные категории для пересмотра и советского, и японского типов модернов, что делает сравнительный подход единственно возможным (Arnason 2003; 2006). Как комментирует данный подход австралийский социолог И. Смит, соединение в историческом анализе власти и культуры означает, что «власть и культура не просто конституируют объекты исторического анализа, они релятивизируются в этом взаимозависимом формировании и таким способом, посредством которого они концептуализируются» (Смит 2002: 232).

Первоначально внимание Арнасона в регионе Восточной Азии привлекала Япония. Так же как и Ш. Айзенштадт, он тщательно изучил японскую цивилизацию в сравнительно-исторической перспективе — от ее феодальной истории до наших дней. В интерпретации Арнасоном японского общества также используется концепция имперской модернизации. Социолог рассмотрел в ряде своих работ (Arnason 1997; 2002) дуальность японской цивилизации: Япония как образец для подражания и Япония

как имперский центр силы, стремящийся к региональному первенству (колонизации). Огромное влияние Японии как образца на весь Восточноазиатский регион имеет место, по мнению Арнасона, прежде всего в отношении Южной Кореи и Тайваня. Имперский характер японского модерна, проявившийся уже на первой ступени его формирования, привел общество к существенным проблемам в середине XX в., оставив Японию региональной и даже периферийной формой глобального модерна (Arnason 2002). Вместе с тем Арнасон рассматривает Японию конца XX в. как высокоразвитый паттерн модерна, а в целом, как считают критики, Арнасон доказал, что японский паттерн модерна оказал не меньшее цивилизационное влияние на развитие китайской модернизации, чем советский образец (Spohn 2011: 35).

Исследование особого пути Японии к модерну пробудило интерес Арнасона к изучению более широкого понятия — конфуцианского типа модерна, а также к межстрановым сравнениям Китая, Японии и других частей региона. Поэтому вполне логичен переход автора к исследованию других стран Восточной Азии. Прежде всего это был Китай, интересовавший Арнасона и сам по себе, и как альтернатива советскому паттерну внутри коммунистического типа модерна, а также как успешный гибридный тип модерна, сформированный в результате «выхода из коммунизма» (Arnason 2008: 404). Разрабатывая эти проблемы, Арнасон указал на принципиальные различия между Китаем и СССР. Во-первых, он нашел различия во взаимоотношениях этих «альтернативных типов коммунистического модерна» с окружающими странами. Арнасон подчеркивает, что китайская версия модерна не имела обширной внешней периферии, какую имел СССР в виде окраинных «союзных» республик и позднее так называемого социалистического лагеря. В случае Китая другие «однопартийные государства» Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Северная Корея) «не находились под китайским контролем» (Arnason 1993: 219). В случае советского модерна наличие стран-сателлитов во многом привело к распаду сил и разрушению центра. Добавим, что и длительная конкуренция СССР и Китая за доминирование внутри «социалистического лагеря», и раскол коммунистического движения существенно подорвали ресурсы первого конкурента. Таким образом, конкуренция незападных коммунистических моделей модернизации между собой также может рассматриваться как характерная черта этого типа модерна.

Во-вторых, советский модерн выстраивался, не имея примеров для подражания, тогда как китайская модель пыталась соединить собственный прежний имперский опыт развития с уже существующим коммунистическим опытом, почерпнутым из советской модели коммунизма. Это тоже

дало Китаю большие преимущества. Наконец, в-третьих, Китай более бережно относился к собственным традициям и более умело комбинировал их, продемонстрировав «смесь социальной революции и реставрации империи, идеологической парадигмы и геополитической стратегии» (Arnason 2008: 405). Арнасон на примере Китая акцентирует возможности успешной ассимиляции отдельной незападной цивилизацией «чужих» (чаще всего западных) механизмов и институтов при сохранении собственного сущностного содержания. Иначе говоря, наличие междивизиационных взаимодействий — важная закономерность развития незападных модернов, что демонстрирует не только пример Китая, подвергшегося экспансии Запада в XIX в., будучи довольно развитым государством, но и всей Восточной Азии (пример распространения буддизма в Восточной Азии). Путем инкорпорирования некоторых чужих механизмов в свою модель развития, по его мнению, долгое время шло развитие в Китае, и именно этот путь оказался эффективным для сохранения Китаем собственного «коммунистического» варианта модерна. Углубляясь в эту тему, Арнасон подчеркивает: «Специфически китайские факторы сыграли роль в том, как были восприняты и решены проблемы, возникшие в ходе применения советской модели» (Arnason 2008: 407). Это важная закономерность, выявленная Арнасоном в развитии незападных модернов.

Последовательно расширяя исследовательский горизонт, Арнасон от Японии и Китая перешел к анализу остальных стран Восточноазиатского региона к региону в целом, рассмотрев общие и особенные черты тех разных форм цивилизации модерна, которые здесь образовались. По сути дела, он раскрыл содержание и дал серьезное аналитическое описание новому, иному типу модерна, названному им восточноазиатским. Раскрывая специфику данного феномена в рамках сравнения регионов (европейского и азиатского), Арнасон пишет: «Восточноазиатский паттерн модерна характеризуется явно контрастирующими между собой вариантами модерна, и эта доминирующая тенденция была вызвана к жизни комбинацией факторов, происходящих как изнутри, так и извне региона» (Arnason 2008: 400). К внутренним факторам Арнасон относит ту особенность, что в нем развились самостоятельные от Запада варианты раннего модерна, что привело к появлению там инноваций, не уступавших Западу, но возникших самостоятельно от него (например, китайская письменность). К важным внешним факторам он относит тот факт, что регион был совершенно не затронут западной колонизацией вплоть до позднего времени. Важная региональная особенность состоит также в том, что вся история региона была более непрерывной, чем история разворачивания западных вариантов модерна.

В исследовании восточноазиатского типа модерна ученый опирался на два ключевых понятия: модерн и регион, «соединенные в интеллектуальном контексте» (Arnason 2008: 395). Используя сравнительно-исторический подход, он также вводит в этот контекст анализа понятия цивилизации, альтернативных и глобальных модернов. Как показал Арнасон, в рамках концепции множественных модернов имели место «процессы модернизации, которые разворачиваются одинаково в рамках Восточноазиатского региона, и такие, которые вводят новые траектории дифференциации внутри региона», — это и Япония, и коммунистический Китай, и Вьетнам (Arnason 2008: 398). Он анализирует специфику переплетения внешних и внутренних факторов развития, которая в середине XX в. привела к конструированию в регионе «новых линий геополитической демаркации», одновременно ставших «границами взаимно несовместимых проектов модерна» (Arnason 2008: 399).

Тщательно исследуя избранную тему, он не только показывает глубокую историческую «укорененность» восточноазиатских типов модерна в местный контекст (исторический регион), но и поясняет, какие уровни цивилизационного анализа необходимы для сравнительно-исторического рассмотрения того или иного общества в регионе, что общего и различного имеют между собой (включая и прежние эпохи, описываемые Арнасоном) китайский, японский, другие восточноазиатские типы модерна. При этом цивилизация — лишь один из уровней анализа модерна, наиболее абстрактный, тогда как содержательные детали развития рассматриваются в рамках региона и конкретной страны.

Постоянно возвращаясь к сравнению восточноазиатских типов модерна с западными, Арнасон отмечает неприложимость к первым тех схем и последовательностей развития, которые были разработаны учеными для вторых, т.е. западных типов модерна (Wagner 1995). И японский, и китайский модерны, как пишет Арнасон, «вряд ли можно понять в терминах макроперехода от либерального к организованному модерну», т.е. в рамках схемы развития западного типа модерна, предложенной немецким социологом П. Вагнером (Arnason 2008: 402). И в то же время Арнасон утверждает, что в Восточной Азии имеет место своя последовательность фаз развития модерна. Таким образом, модерн остается «открытым проектом» и дает перспективы развития разным типам обществ в разных исторических регионах.

В заключение хотелось бы еще раз остановиться на некоторых важных особенностях китайской модели в рамках восточноазиатского модерна, поскольку именно к ней все чаще обращают исследовательский интерес российские модернизаторы. Выводы Арнасона о Китае с известной долей

условности можно экстраполировать на другие страны, которые захотели бы активно использовать его модернизационный опыт. Китай для него — удачная модель модерна, но не общий образец. Так, оценивая китайские перспективы на глобальное доминирование, Арнасон очень осторожен. По достоинству оценивая умелые китайские трансформации, он в то же время отмечает невозможность довести эти трансформации китайского (гибридного) типа модерна до логического конца, так как поддержание (пусть даже внешнее) революционной легитимности руководства не позволяет ему открыто провозгласить свои новые стратегические (капиталистические) цели. Поэтому Китай сохраняет этот компромисс в развитии. «Необходимый минимум идеологического содержания обеспечивается за счет использования ключевых слов и формул из конфуцианских источников, сокращенных до самых общих указаний и оторванных от интерпретативных конфликтов традиции» (Arnason 2008: 408), тогда как «его главная цель состоит в поиске способов нейтрализовать конфликт между привнесенными извне образами модернизации» (Arnason 2008: 408). Несмотря на этот опыт и признание «растущей мощи Китая», влияющей на соседние страны и весь мир, Арнасон утверждает, что глобальное будущее китайского модерна «будет зависеть от сложного взаимодействия на мировой арене» (Arnason 2008: 408). Не давая никаких прогнозов, Арнасон вместе с тем реалистично отмечает, что китайцы извлекали уроки из опыта развития других государств, и если этот эксперимент продолжится, то Китай будет «вызовом всей западной традиции» (Интервью... 2012: 13).

Именно эта тенденция отчетливо наблюдается в Китае сегодня, когда уже Запад признает, что через 10-15 лет именно Китай может стать доминирующей экономикой мира и оказывать на все страны намного более существенное политическое влияние. Будет ли новый Китай сохранять все свои нынешние черты, трудно угадать ввиду неопределенности и контингентности развития современности, однако имеющийся потенциал китайского модерна вполне позволяет прогнозировать будущее доминирование этого цивилизационного паттерна.

Таким образом, Арнасон дал образец анализа незападных типов модерна в регионе Восточной Азии, причем как моделей, непосредственно являющихся коммунистической альтернативой Западу (Китай), так и иных альтернатив (Япония, Вьетнам, Южная Корея). Тем самым работы Арнасона существенно расширили анализ множественных версий незападного модерна, начатый Айзенштадтом. Так, Арнасон считает, что все страны БРИК (включая те, что не относятся к Азии) также «представляют различные версии общества модерна и модернизационной динамики» (Арнасон 2012: 25).

Важно подчеркнуть значение сравнительно-исторических цивилизационных исследований Арнасона для нынешнего российского (а не только прежнего, советского) региона. Интерпретационный эвристический потенциал концепции модерна, развиваемой Арнасоном, может быть релевантным для анализа современного цивилизационного состояния России, а в какой-то мере и других постсоветских стран. Такую позицию принимают и современные российские сторонники развития цивилизационного подхода (Российское общество... 2021). Принятие идеи исторического региона как весьма удобного теоретического конструкта для анализа проблем развития позволит иначе подойти к выделению исторических регионов, в которые может быть включена Россия, как в свое время «экспансия коммунистической версии модерна» привела в середине XX в. к созданию никогда прежде не выделявшегося нового целостного региона Восточной Европы (Arnason 2008: 398), или позволит поменять исследовательские акценты, найти такие новые комбинации механизмов, ценностных образцов из разных типов модерна, которые «приживутся» в России и не разрушат базовую историческую основу российской системы. Речь не идет об имитации и подражании чужим образцам, однако игнорирование их ценного опыта и отказ от его переосмысления в контексте собственно российской истории было бы неоправданным. В равной степени недопустима и переоценка чужого опыта, перенятие любых чужих моделей, ибо это будет означать игнорирование российского социокультурного контекста

Обратимся к мнению историка, на этот раз английского, Доминика Ливена. Анализируя имперское прошлое России, сравнивая его с прошлым других империй, ученый отметил, что империи не исчезают в одночасье, и что последствия их распада могут проявляться на протяжении жизни нескольких поколений (Ливен 2008). Более того, если принять во внимание признанную значимость империй для современной истории, включая историю Европы (Интервью... 2012: 11), не следует спешить с выводами о том, что Россия уже рассталась со своим имперским прошлым. Постсоветскую трансформацию нельзя считать окончательно завершенной. Предстоит еще не раз переосмысливать произошедшие после 1991 г. события, чтобы путем их анализа в иных теоретических контекстах с учетом российской истории и постоянно меняющихся глобальных обстоятельств современности в разных концептуальных ракурсах постараться найти путь достойного будущего развития. При этом очень важно не повторять ошибок XX в., которые привели Россию к двум историческим провалам. Концепция восточноазиатского модерна Арнасона может быть достаточно эффективно использована для этого анализа.

Литература

Арнасон Й. (2012) Понимание цивилизационной динамики. Вводные замечания. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 6: 18–29.

Арнасон Й. (2011) Коммунизм и модерн. *Социологический журнал*, 1: 10–36.

Атлас (2016) модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) *Модернизация, культурные ценности и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство.

Инглхарт Р. (2018) *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. М.: Мысль.

Интервью с профессором Йоханом Арнасоном (2012) *Журнал социологии и социальной антропологии*, 6: 7–17.

Кива А.В. (2013) Россия и Китай: сходное прошлое, но разное настоящее. *Новые идеи в социологии*. М.: Юнити-дана: 293–313.

Кирдина С.Г. (2000) *Институциональные матрицы и развитие России*. М.: Теис.

Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития (1995) Под ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект Пресс.

Куда пришла Россия?.. Итоги социальной трансформации (2003) Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН.

Лапин Н.И. (2012) Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии. *Социологические исследования*, 9: 4–23.

Ливен Д. *Россия как империя и периферия* [http://www.globalaffairs.ru/number/n_12059] (дата обращения: 12.06.2014).

Масловский М.В. (2008) Современные теории модерна и модернизации. *Социологический журнал*, 2: 31–44.

Масловский М.В. (2011) Анализ советской версии модерна в исторической социологии Йохана Арнасона. *Социологический журнал*, 1: 5–9.

О мировой и отечественной теоретической социологии (круглый стол) (2022) *Социологические исследования*, 9: 3–15.

Парсонс Т. (1997) *Система современных обществ*. Пер. с англ. М.: Аспект Пресс.

Розов Н.С. (2011) *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН.

Романовский Н.В. (2009) *Историческая социология*. М.: Канон+.

Российское общество: архитектура цивилизационного развития (2021) Отв. ред. В.В. Козловский. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН.

Смелзер Н. (1994) *Социология*. Пер. с англ. М.: Феникс.

Вэймин Т. (2012) Подъем «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл, *ПОЛИС*, 1: 7–25.

Вэймин Т. (2002) Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии. *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу*. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований: 236–250.

Хантингтон С. (2003) *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.

Эткинд А. (2013) *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. М.: Новое литературное обозрение.

Arjomand S., Tiryakian E. (eds.) (2004) *Rethinking civilizational analysis*. L.: Sage.

Arnason J. (1993) *The future that failed. Origins and destinies of the Soviet model*. L.: Routledge.

Arnason J. (1995) *The Soviet Model as a Mode of Globalization. Thesis Eleven*, 41: 36–53.

Arnason J.P. (1997) *Social Theory and Japanese Experience: The Dual Civilization*. Melbourne: Format: Book.

Arnason J. (2000) Communism and modernity. *Daedalus*, Multiple modernities, special issue 129(1): 61–90.

Arnason J.P. (2002) *The Peripheral Centre: Essays on Japanese History and Civilization*. Melbourne: Trans Pacific Press.

Arnason J.P. (2003) *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden; Boston: Brill.

Arnason J.P. (2005) The Axial Conundrum: between the historical sociology and the philosophy of history. In: Ben-Rafael E., Sternberg Y. (eds.) *Comparing Modernities: Pluralism versus Homogeneity*. Leiden: Brill: 57–82.

Arnason J.P. (2008) East Asian Modernity Revisited. In: *Essays in honour of Irmela Hijiya-Kirschner on the occasion of her 60th birthday*. Munchen: iudicium Verlag: 395–408.

Arnason J.P. (2010) The Cultural Turn and the Civilizational Approach. *European Journal of Social Theory*, 13(1): 67–82.

Beck U. (1992) *Risk Society. Toward a New Modernity*. L.: Sage.

Ben-Rafael E., Sternberg Y. (eds.) (2005) *Comparing Modernities: Pluralism versus Homogeneity*. Leiden: Brill.

Casanova J. (2011) Cosmopolitanism, the clash of civilizations and multiple modernities. *Current Sociology*, 59: 252–268.

Eisenstadt S.N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*, 129(1): 1–29.

Eisenstadt S.N. (2005) Modernity in socio-historical perspective. In: Ben-Rafael E., Sternberg Y. (eds.) *Comparing Modernities: Pluralism versus Homogeneity*. Leiden: Brill: 31–56.

Smith J.C. (2011) Modernity and civilization in Johann Arnason's social theory of Japan. *European Journal of Social Theory*, 14(1): 41–54.

Smith J.C. (2002) Theories of State Formation and Civilisation in Johann P. Arnason and Shmuel Eisenstadt's Comparative Sociologies of Japan. *Critical Horizons: A Journal of Philosophy and Social Theory*, 3(2): 225–251.

Spohn W. (2011) World history, civilizational analysis and historical sociology: interpretations of non-Western civilizations in the work of Johann Arnason. *European Journal of Social Theory*, 14(1): 23–39.

Wagner P. (1995) *A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline*. L.: Routledge.

EASTERN ASIAN MODERN IN THE CIVILIZATIONAL CONCEPT OF JOHAN ARNASON

Larissa Titarenko (larisa166@mail.ru)

Belarusian State University, Minsk, Belarus
The Sociological Institute of the RAS, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Citation: Braslavskiy R. (2022) Vostochnoaziatskiy modern v tsivilizatsionnoy kontseptsii Yokhana Arnasona [Eastern Asian modern in the civilizational concept of Johan Arnason]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(2): 80–95 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.4>

Abstract. The analysis of the Eastern Asian type of modernity developed by social philosopher and historical sociologist Johan Arnason is discussed. This type of non-Western modernity includes Japanese, Chinese, Vietnamese and South-Korean versions that have some features in common as well as some distinguished features determined by their history and culture. Peculiarities of the Soviet type of modernity are disclosed that have been elaborated by Arnason more than 20 years ago in the process of comparative historical analysis of the Soviet and Chinese versions of the “communist modernity”. Now Arnason applies these features to the analysis of other types of the non-Western modernity. The article demonstrates the significance of the application of Arnason's analysis of Eastern Asian modernity to the Russian society that is now in a situation of the reassessment of its modernization perspectives.

Keywords: Arnason, multiple modernities, region, Eastern Asia, civilizational approach, China, Russia.

References

Arjomand S., Tiryakian E. (eds.) (2004) *Rethinking civilizational analysis*. London: Sage.

Arnason J. (1993) *The future that failed. Origins and destinies of the Soviet model*. London: Routledge.

Arnason J. (1995) *The Soviet Model as a Mode of Globalization*. *Thesis Eleven*, 41: 36–53.

Arnason J. (2000) Communism and modernity. *Daedalus*, Multiple modernities, special issue 129(1): 61–90.

Arnason J. (2011) Kommunizm i modern [Communism and modernity]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 1: 10–36 (in Russian).

Arnason J. (2012) Ponimaniye tsivilizatsionnoy dinamiki. Vvodnyye zamechaniya [Understanding civilizational dynamics. Introductory remarks]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 6:18–29 (in Russian).

Arnason J.P. (1997) *Social Theory and Japanese Experience: The Dual Civilization*. Melbourne: Format: Book.

Arnason J.P. (2002) *The Peripheral Centre: Essays on Japanese History and Civilization*. Melbourne: Trans Pacific Press.

Arnason J.P. (2003) *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden; Boston: Brill.

Arnason J.P. (2005) The Axial Conundrum: between the historical sociology and the philosophy of history. In: Ben-Rafael E., Sternberg Y. (eds.) *Comparing Modernities: Pluralism versus Homogeneity*. Leiden: Brill: 57–82.

Arnason J.P. (2008) East Asian Modernity Revisited. In: *Essays in honour of Irmela Hijiya-Kirschner on the occasion of her 60th birthday*. Munchen: iudicium Verlag: 395–408.

Arnason J.P. (2010) The Cultural Turn and the Civilizational Approach. *European Journal of Social Theory*, 13(1): 67–82.

Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: socio-economicheskie i socio-kulturnye trendy i problemy [Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socio-Economic and Socio-Cultural Trends and Problems] (2016) Lapin N.I. (ed.) Moscow: Ves Mir (in Russian)

Beck U. (1992) *Risk Society. Toward a New Modernity*. London: Sage.

Ben-Rafael E., Sternberg Y. (eds.) (2005) *Comparing Modernities: Pluralism versus Homogeneity*. Leiden: Brill.

Casanova J. (2011) Cosmopolitanism, the clash of civilizations and multiple modernities. *Current Sociology*, 59: 252–268.

Eisenstadt S.N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*, 129(1): 1–29.

Eisenstadt S.N. (2005) Modernity in socio-historical perspective. In: Ben-Rafael E., Sternberg Y. (eds.) *Comparing Modernities: Pluralism versus Homogeneity*. Leiden: Brill: 31–56.

Etkind A. (2013) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. Moscow: New Literary Review (in Russian).

Huntington S. (2003) *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST (in Russian).

Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernizatsiya, kul'turnyye tsennosti i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Values and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow: New publishing house (in Russian).

Inglehart R. (2018) *Kulturnaya evolutsiya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World]. Moscow: Mysl (in Russian).

Interv'yu s professorom Yokhanom Arnasonom [Interview with Prof. Johan Arnason] (2012) *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 6:7–17 (in Russian).

Kirdina S.G. (2000) *Institutsional'nyye matritsy i razvitiye Rossii* [Institutional matrices and the development of Russia]. Moscow: Teis (in Russian).

Kiva A.V. (2013) *Rossiya i Kitay: skhodnoye proshloye, no raznoye nastoyashcheye* [Russia and China: similar past but different present]. In: *Novyye idei v sotsiologii* [New ideas in sociology]. Moscow: Unity-dana: 293–313 (in Russian).

Kuda idet Rossiya? Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya [Where is Russia going? Community Development Alternatives] (1995) Zaslavskaya T.I. (ed.) Moscow: Aspect Press (in Russian).

Kuda prishla Rossiya?.. Itogi sotsiyetal'noy transformatsii [Where Has Russia Come?.. Results of Societal Transformation] (2003) Zaslavskaya T.I. (ed.) Moscow : MVShSEN (in Russian).

Lapin N.I. (2012) *Izmereniye modernizatsii rossiyskikh regionov i sotsiokul'turnyye faktory yeye strategii* [Measuring the modernization of Russian regions and the socio-cultural factors of its strategy]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Social Research], 9: 4–23 (in Russian).

Liven D. *Rossiya kak imperiya i periferiya* [Russia as an empire and periphery] [http://www.globalaffairs.ru/number/n_12059] (accessed: 12.06.2014) (in Russian).

Maslovsky M.V. (2008) *Sovremennyye teorii moderna i modernizatsii* [Modern theories of modernity and modernization]. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal], 2: 31–44 (in Russian).

Maslovsky M.V. (2011) *Analiz sovetskoy versii moderna v istoricheskoy sotsiologii Yokhana Arnasona* [An analysis of the Soviet version of modernity in the historical sociology of Johan Arnason]. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal], 1: 5–9 (in Russian).

O mirovoy i otechestvennoy teoreticheskoy sotsiologii [On world and domestic theoretical sociology (round table)] (2021) *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 9: 3–15 (in Russian).

Parsons T. (1997) *Sistema sovremennykh obshchestv* [The system of modern societies]. Moscow: Aspect-Press (in Russian).

Romanovsky N.V. (2009) *Istoricheskaya sotsiologiya* [Historical Sociology]. Moscow: Kanon+ (in Russian).

Rozov N.S. (2011) *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskiye osnovaniya strategiy Rossii v XXI veke* [Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Rossiyskoe obshchestvo: arkhitektonika tsivilizatsionnogo razvitiya [Russian Society: Architectonics of Civilizational Development] (2021) Kozlovskiy V.V. (ed.) St. Petersburg: FCTAS RAS (in Russian).

Smelser N. (1994) *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Phoenix (in Russian).

Smith J.C. (2002) Theories of State Formation and Civilisation in Johann P. Arnason and Shmuel Eisenstadt's Comparative Sociologies of Japan. *Critical Horizons: A Journal of Philosophy and Social Theory*, 3(2): 225–251.

Smith J.C. (2011) Modernity and civilization in Johann Arnason's social theory of Japan. *European Journal of Social Theory*, 14(1): 41–54.

Spohn W. (2011) World history, civilizational analysis and historical sociology: interpretations of non-Western civilizations in the work of Johann Arnason. *European Journal of Social Theory*, 14(1): 23–39.

Wagner P. (1995) *A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline*. London: Routledge.

Weiming T. (2002) Mnozhestvennost' modernizatsiy i posledstviya etogo yavleniya dlya Vostochnoy Azii [Multiple Modernizations and the Consequences of This Phenomena for East Asia]. In: *Kultura imeyet znachenkiye. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture matters. How values contribute to social progress] Harrison L. Huntington S. (eds.) Moscow: Moscow School of Political Studies: 236–250 (in Russian).

Weiming T. (2012) Podyem «konfutsianskoy» Vostochnoy Azii: istoki i istoricheskiy smysl [The Rise of “Confucian” East Asia: Origins and Historical Meaning], *POLIS*, 1: 7–25 (in Russian).